

Парадокс об актёре

Ведущий артист Свердловской музкомедии Владимир Смолин перечитал в молодости всего Шекспира и мечтал сыграть Ричарда III

Ирина КЛЕПИКОВА

Риску предположить: по своим внешним данным он был обречён играть забавного Бони либо комичного Пеликана в кальмановских опереттах. Невысокого роста, юркий, египетский. «Негерический». Но сегодня Смолин – один из самых узнаваемых и самобытных актёров прославленной труппы Свердловской музкомедии. С невероятным для «лёгкого жанра» актёрским диапазоном.

– Глупость, быть может, спроси, но – цены не боитесь?

– Боязн сцены – болезнь. Она существует. Актёры из-за этого вынуждены уходить из профессии. В молодости у меня было волнение на грани мандража. Мандраж прошёл. Но волнение должно быть. И любовь. Есть гениальное изречение: «Если ты делаешь дело без любви и непрофессионально – это халтура, если с любовью, но непрофессионально – хобби, если профессионально, но без любви – ремесло, а вот если с любовью и профессионально – это искусство».

Будущего крановщика не называют Робертино

– Верите в сигналы судьбы: туда – не туда идёшь?

– Да, я отчасти фаталист. Прислушиваюсь, когда судьба пинает: не туда... Например, ни душа, ни организм долго к баяну не лежали. Как только ответственный экзамен – у меня потели руки, пальцы. Кто-то слыше словно говорил: не твоё! Пусть, мол, оно будет – но это не главное в твоей жизни.

– А когда мама, работавшая на почте, «изъяла» ваше письмо в театральное училище – это разве не было сигналом?

– (смеётся) Так она про это рассказала, когда я уже артистом стал. А до тех пор я всё недоумевал: как это, за месяц отпустили документы, а они опоздали? Маленький я был. Вы же видели фотографии проводов в армию. Сестрёнка рядом, на три года младше, выглядит старше меня. Так это мне уже 18! А когда собрался в театральное училище, мне было 15. Куда было одного отпускать? Хотя родители с детства давали самостоятельность. Помню, лет в 13 с пацанами собрался на Лесное озеро, километров в 20 от города, в горах – предгорья Кавказа, Апшеронский район. Пошли отпрашиваться. Родители посоветовались и говорят: «Обед приготовишь. Если нам понравится – пойдёшь». Я приготовил первое, жаркое, компот...

В смысле родительской педагогики мама была гениальным человеком. Никогда не учила, но просила, например, помочь на кухне. А когда готовила – говорила, что за чем делает. Вообще, она жизнь положила на детей. Когда был маленьким – она работала в садике поваром, пошёл в школу – в школьном буфете. Потом на почте работала – там и перехватила моё письмо в театральное. А когда я всё же поехал учиться, пошла телефонисткой, чтобы иметь связь со мной... Батя работал крановщиком. По жизни шалопай. Пять классов образования. Но он этого не стеснялся, а даже гордился: без образования он влёгкую ежегодно подтверждал профессию, читал инженерные формулы, понимал сопломат, однажды даже собрал кран – и подёхавшие специалисты подтвердили: идеально. Объяснял просто: «Практика!» Он и мне говорил: «Давай я тебя на крановщика выучу». Но, видимо, у каждого своё предназначение. И будущего крановщика вряд

ли дразили бы в детстве Робертино.

– Робертино? Тот самый? – Ну да. В 1960-е Робертино Лоретти был самым популярным детский голос. Из всех окон звучала «Джамайка». А у меня был сборник песен Робертино – на русском. Половину из них я пел. Вот и дразили.

– Однако музыкальную судьбу определил не Робертино Лоретти, а, по слухам, оперетта «Вольный ветер»?

– Да это первое, что я увидел в восьмом классе музыкальную школу закончил и не знал, что такое оперетта. А вот в девятом увидел «Вольный ветер» и понял, в каком театре мне надо работать.

«Я бы и в цирке был актёром»

– Неожиданная фраза в одном из интервью: «Театр драмы люблю больше, чем все мюзиклы, вместе взятые». И это говорит один из ведущих солистов ведущего музыкального театра России в своём жанре?

– Не совсем точно передали, что я имел в виду. Почему-то считается: в оперетте актёры должны по-другому жить. Неправильно. И в опере, и в цирке, и в балете, и в нашем жанре человек публичной профессии должен быть актёром. Прежде всего. К примеру, кто самый великий бас? Большинство ответит – Шаляпин. Кто самая великая балерина? Уланова. При этом Шаляпин не был исключительным вокалистом. В его мемуарах есть такой эпизод: однажды в опере, где идёт дуэт двух басов, *Прогово* в первом куплете просто «накрыл» зал лавиной звука. Шаляпин, поняв, что силой звука он не перекроет впечатление, второй куплет промурыкнул на пиано. Но как! Секунд пять в зале стояла тишина, а потом обвал аплодисментов. Он был Актёром. И Уланова, со средними физическими данными, была гениальна на сцене. А кто лучший клоун в цирке? Правильно, Никулин. Замечательный актёр!

А великая *Раневская* ещё и уточняла: «Что значит – играть? Играть можно в домини, в карты. На сцене жить надо». Если бы я пошёл в цирк – я бы и там был актёром. Но я вот уже 40 лет в музыкальной комедии. Даже 42-й год – потому что на четвёртом курсе дебютировал в стажёрской группе Московской оперетты.

А актёр спектакля – не отрывка, не концертного номера. Я их не люблю. Вокалист может сделать юбилейный вечер из подборки романсов. Я не вокалист. Для меня отрывок из спектакля на концерте – это как локоть из-за угла показывать: «Видишь, какое у меня красивое тело». А ты всё «тело» покажи. Контекст важен. Дистанция судьбы героя.

– А если взглянуть на контекст вашего любимого жанра в целом? По развитию оперетты-музкомедии-мюзикла? У актёра, конечно, подчинённое положение, но он определяет (его выбирают), но зато за 40 с лишним лет вы наблюдали движение жанра изнутри...

– Когда я начинал – мюзиклы в России только появлялись. Потрясающий мюзикл *Колкера* «Свадьба Кречинского», едва ли не первый в нашей стране, я видел в трёх вариантах – в Ленинградской оперетте, в Московской с *Герардом Васильевым* (ему даже мазурку не надо было танцевать – девочки на него и так запалили) и телевизионный вариант. Вот это было начало. А теперь даже по репертуару нашего театра посмотрите – мюзикл, мюзикл, мюзикл... Спектакли с хорошей

Владимир Смолин: «Признание – не цель, а всего лишь «побочный эффект» актёрской жизни»

музыкальной драматургией! Это вам не музыкальные комедии – с куплетным сопровождением. Любим дуэт или арию выбрось – ничего не изменится.

В оперетте музыкальная драматургия уже имела значение. Когда венгры ставили у нас «Цыганскую любовь» и перепели либретто, то они таким образом помолчали и музыкальную драматургию спектакля. Это было кошмаром... Кстати, среди советских созданий оперетты *Дунавского* и *Милотина* с такой мощной музыкальной драматургией, что даже когда их пытаются переделать (по-скольку устарели) – музыка сопротивляется, и ничего не получается. Но, по большому счёту, оперетта осталась в своём времени. Да, у нас идут «Принцесса цирка», «Марица», «Княгиня чардаша» – но не они уже определяют репертуар театров и интерес зрителя.

40 лет – дистанция приличная, жанр изменялся естественным образом, но чем хорош наш театр – уже многие годы спектакли рождаются авторами в тесном альянсе с труппой. Командой! Именно свердловскую музкомедию когда-то называли «лабораторией советской оперетты», а потом на нашей сцене стали рождаться так называемые авторские спектакли. Так было и при первом художественном руководителе *Кузнецове*, и при *Курочкине*. Так и при *Стрежневом*. Стиль театра. Так было и с «Беспечным гражданином», и с «Космарными свиданиями Херсонской губернии»...

– «Беспечный гражданин» – эталонный спектакль в истории Свердловской музкомедии. В вашей судьбе, похоже, тоже? Во всяком случае, Митя Громцев из «Беспечного гражданина» называют в одном ряду со Скруджем из «Ночи открытых дверей», за которую вы получили «Золотую маску». Просто раньше «Золотой маской» не было...

– Вопрос без ответа. В истории театра и кино есть актёры одной роли. Видели, наверное, фильм *Дзедзирилли* «Иисус из Назарета» – шестичасовой? А Стрежнев когда-то собирался ставить этот мюзикл. И как пример высокого искусства мы поехали посмотреть этот фильм. Задно узнали историю: с актёром *Робертом Пауэллом*, который сыграл в фильме главную роль и который по внешним данным – само воплощение образа *Христа*, Ватикан подписал контракт (верное, многомиллионный) о том, чтобы актёр больше нигде не играл. И этого актёра никто больше и не видел. Вот он актёр одной роли. А я актёр репертуарного театра. Если бы я всю жизнь играл Митяку Громцева – уже, наверное, написали бы продолжение...

Нет, играешь то, что даю:

Очень хотел сыграть Тевье-молочника, но у режиссёра было видение другого актёра в этой роли.

А потом – ещё одна незатронутая ни в одном интервью тема. Есть в турфирмах «горящие спектакли», когда по каким-либо причинам надо заменить актёра, играющего роль. Срочно! Так было, например, на «Скандале по-французски». Премьера заявлена. Половина билетов продана. А два актёра попадают в больницу. И тогда у тебя спрашивают: «Сможешь?». А пьеса всё держится на тексте, и пятьдесят процентов – мой текст. Надо было за неделю «влететь» в этот спектакль. Влетел.

Такая же ситуация была и на «Хэлло, Долли!». За три дня до премьеры режиссёр звонит: «Ты там сидишь или стоишь? Сядь. Надо срочно вводится в спектакль». А там роль вроде небольшая по объёму, но реплика (я их называю «блохи») – это хуже всего. Одно дело, когда идёшь равноправный диалог героев. А тут говорит-говорит-говорит Долли, и в нужном месте надо сказать «да». Всё это. Но – в нужном месте! Я так подробно, чтобы вы понимали: и это тоже планда актёра репертуарного театра. Часть работы. Да, творчество, лицейство – это безумно увлекательно, но – иногда нужно просто спастись положением.

– Хорошо, а если помечтает? Вы однажды признались, что хотели когда-то сыграть *Ричарда III*. Даже неудачно: он – потрясающий персонаж. Но что конкретно привлекало вас?

– Мош. Один диалог с леди Анной в начале пьесы чего стоит! Как Ричард переорачивает мнение человека о себе! Я вообще считаю: психологически это произведение мощнее, чем «Гамлет» или «Король Лир». Ошибки власть имущих, ошибки людей сильных, которые делают их слабыми или, в конце концов, трупами... Я в молодости всего *Шекспира* прочитал. Включая малоизвестные произведения вроде поэмы «Венера и Адонис». Про сонеты и не говорю. Некоторые наизусть помню. Язык у него потрясающий. Даже в переводе. Между прочим, англичане вообще говорят: вам в России хорошо, у нас есть *Маршак*, *Шекспира-Куперник*, которые так здорово перевели Шекспира, а нам приходится читать его на староанглийском. А это, на минуточку, язык времён *Ивана Грозного*. Мы, актёры, – вообще, непростые читатели. Иначе воспринимаем текст. Помню, студентом, когда нас заставляли читать пьесы – я всё честно прочитывал, бегая в библиотеку, и что ни мюзиклая роль в пьесе – примеривал на себя. Всё хотелось сыграть. Да что там пье-

сы! Мемуары *Станиславского* «Моя жизнь в искусстве» стал читать – и всё начал проигрывать. И понял (*смеётся*), что не смогу дочитать до конца.

– В вашем недавнем юбилейном вечере хурук театра Кирилл Стрежнев признался, что «ненавидит актёра Владимира Смолина в его работе над ролью». Пощутит. Но подзреваю: шутка не без причины?

– Для меня самое сложное время – черновые репетиции, когда обговариваются мизансцены, задачи. Все воспринимают это с разной скоростью. В разное время включаются наконец актёрские мозги (я называю это «переспать с ролью»). Видимо, и Кирилл Стрежнев имел в виду то же самое. У всех режиссёров один недостаток – задачу поставил и хочет сразу увидеть результат. А (*смеётся*) фиг вам! Никогда результата с первого раза не может быть. И со второго, и с третьего может не быть. А может, и вообще не будет. Что-то не складывается. Редко, но такое случается.

Патриотизм и босоножая старушка Сесария

– В вашем «послужном списке» с удивлением обнаружилась всего четыре спектакля на военную тему. Казалось: их больше. Вы очень органичны, естественны в этой теме. Когда с баяном, в военной форме среди ветеранов 9 мая в Доме актёра – вообще, своей среде своих...

– У меня батя – фронтвик. В 17 лет призвали. Война закончилась – ему 19. Сейчас было бы 92. Это поколение особое – юнги, сыны полков. Батя уже далеко, в мире ином, а эти старики здесь. Им эти встречи нужны. И спектакли такие вроде «Храни меня, любимая!» тоже нужны, чтобы нынешние молодые хоть что-то знали о войне. Такая огромная дистанция от войны, что бог его знает, какими словами надо рассказывать о ней. Чтобы понимало. Чтобы переживали и сопереживали.

– Вы же и сами прошли рядом с войной. Медаль «Участнику военной операции в Сирии» у вас за концерты недалеко от Дамаска. Какая ни есть мирная профессия актёра, а пуля и снаряд не выбирают...

– Страха не было. Был вопрос. Почему в этих райских местах (мандринки висят, оливки зреют, всё цветёт) – и война. Ребята ходят с автоматами. Дамаск взрывают... Да что Дамаск! Вот и в благополучном Манчестере взрывы. Война идёт в мире. А в природе что творится – то пожары, то землетрясения, то наводнения. Земля чешется от нас, от людей. Земля живая... О многом задумываешься с воз-

растом. И на некоторые простые вопросы вдруг приходят неочевидные ответы. Например, о патриотизме. Как он, допустим, в Америке воспитывается? Образом жизни. Если, образно говоря, 99 процентов населения живёт хорошо, то все – патриоты своей страны. Почему мы свою неказистую жизнь всё время оправдываем нашим менталитетом? Недавно в Интернете видел сюжет про боксёра, зарубежного: вырос в нищете, упорно занимался, добился успеха, появились деньги – стал строить дома тем, кто ему помогал по жизни. Сотни домов построил. Или ещё пример: *Сезария Эзора*, босая старушка, на свои гонорары всё народное образование в своей родной Кабо-Верде финансировала. Почему мы так не можем? Если у тебя десять миллионов – почему ты пять не отдашь? Создай благотворительный фонд, помоги больному, снеси хоть один барак – посели туда нуждающихся. Сегодня по радио сказали: самые большие доходы в России – у работников финансовой сферы, самые низкие – в сельском хозяйстве. Видимо, по принципу – те сами себя прокормят. Почему так? Почему такой перекос?

Дошёл до водоносного слоя – остановись!

– Мучительные вопросы неплохо бы задавать и адресуясь к молодым. И не снобам-теоретикам, а, не считайте за лезть, – таким, как вы. Знающим, почему фут жизни. И профессии.

– В драматических театрах при разности школ – МХАТ, ГИТИС, Щукинское училище, Щепкинское, – всё равно есть общая основа, как бы они к Станиславскому ни относились. От него, от этой базы, оттолкнулись и *Михаил Чехов*, и *Мейерхольд*, и *Вахтангов*. Все театральные школы какой-то «общий знаменатель» имеют. А в музыкальных учебных заведениях упор то на вокал, то на пластику, то на актёрское мастерство. Общей школы нет. А всё на сцене должно слиться во что-то единое.

Я, когда молодым пришёл в театр, учился у опытных коллег не только тому, как надо делать, но и тому, как не надо. Как не повторять штампы, переборы, повторы. А уж за хорошим актёром, искусной игрой – одно удовольствие из-за кулис подсматривать. Тут-то и важна «актёрская клеточка». Есть – всё сам увидишь. Нет – надо подсказывать. Вспоминаю: идёшь репетиция, у молодого актёра – выкладка потрясающая, но... через десять минут устаёт от него. Говорю ему: «Вот самолёт взлетел и идёт на одной и той же высоте. Интересно? Наверное, да. Но гораздо интереснее, когда видишь фигуры высшего пилотажа». Это же интересно и в актёрской игре. Спортсмены, делающие забег на стометровку, и марафонцы совсем по-разному бегут. А на сцене у нас именно марафон.

– А откровенно преподавать не пробовали?

– Был случай – вёл курс. Я студентам говорил тогда: работаешь над ролью – словно колодец копаешь. Дошёл до водоносного слоя – надо остановиться. Будешь копать дальше – вода уйдёт. Надо копать до разумной глубины. Преподаватель должен жить с детьми. У нас в институте, помню, актёрское мастерство *София Михайловна Гутманович* вела пять раз в неделю по четыре часа, и плюс к этому индивидуальные занятия. То есть весь день была с нами. Ну разве это возможно, когда ты в театре работаешь?

ДОСЬЕ «ОГ»

СМОЛИН Владимир Николаевич
• Родился в 1952 г. в п. Каштак Челябинской области.
• 1976 г. – окончил Государственное музыкальное училище им. Гнесиных.
• 1976–1985 гг. – солист Омского музыкального театра.
• С 1985 г. – солист Свердловского театра музыкальной комедии.

НАГРАДЫ И ЗВАНИЯ
• Внутритеатральная премия Свердловской музкомедии имени А.Г. Маренича – «За большой творческий вклад» (1996).
• Многократный лауреат премии «Браво!» (Бони, «Княгиня чардаша», 1997; Чёрт, «Чёрт и девственница», 2000 и др.).
• За роль Скруджа в спектакле «Ночь открытых дверей» (2006) удостоен Национальной театральной премии «Золотая маска» в номинации «Лучшая мужская роль в оперетте/мюзикле», премии Российского фестиваля театрального искусства для детей «Арлекин», премии губернатора Свердловской области «За выдающиеся достижения в области литературы и искусства».
• Народный артист России.

БЛИЦ-ОПРОС

– Любимый праздник? И почему?
– Новый год. Потому что закончились дед-морозовские марафоны. Наступило финансовое благополучие и – усталость. Иногда спрашиваю: «Как Новый год встретил?» – «Отлично. Уже в час ночи спал».

– Что помогает расслабиться?
– Рыбалка. Баня.

– Если бы выиграла миллион – на что потратили бы?
– Миллион чего? (*смеётся*) Если бы миллион долларов – подарил бы квартиры детям, друзьям. Ну и себе домик к деревне.

– Вторая после театра любовь?
– Путешествия. Познавательно и – неожиданные параллели возникают. В 2000-м был в Софии. 1 мая. Цветут каштаны, акации. Болгары, правда, говорят: «Похолодало». И тут по ТВ новость: «В России, в Екатеринбурге, такой заряд снега, что ни одна машина со стоянки просто не вышла». Вот это наше «похолодало»!

– Три жизненно необходимые вам вещи, оставив на необитаемом острове?
– Огонь. Вода... Жена.

– Чтобы получить удовольствие от застолья, что должно быть на столе?
– Путь, в общем-то, всеядный и всеполюющий. Правда, когда лечил язву, сказали: 40 градусов – слабее не надо. Так что теперь удовольствие за столом – коньячок и баня.

В спектакле «В джезде только девушки». В. Смолин играл Дабну (на фото – справа). Легко ли научились ходить на каблуках? «Да как-то и не учился. Встал да пошёл».

– На красный свет дорогу перебегаеете?
– Иногда. Но вообще я законопослушный.

– С вашей «Золотой маской» как часто пыль стираете? Вообще, где она хранится?
– У директора театра! Чего она дома будет пылиться. Я вообще считаю: маска актёра – маска театра. Не был бы я в этом театре – не было бы у меня этой роли. Не было бы роли – не было бы маски.

– Недостаток, от которого хотели бы избавиться, но – никак...
– Лени многовать (*смеётся*), но на это все жалуются. Надо быть одержимым гением, чтобы, например, как *Нильс Бор*, спать по три часа, а остальное время заниматься профессией.

– Помните анекдот про «Вся, ты неправ?» Ненормативно выразиться при случае можете?
– Ещё как! Я очень уважительно отношусь к этому языку.

– Кредо жизни? И профессии?
– «Лучшее – враг хорошего». Я бы в театре на каждой гримёрке этот лозунг повесил, потому что неоднократно видел, как излещимым «разукрашиванием» актёр убивал роль. И в жизни таких примеров – сплошь и рядом. По горизонтально и по вертикали. Я бы даже фамилии называл. Но не буду...

Мидас в «Прекрасной Галатее» был пародией на греческий миф. А это особый «градус» актёрской игры

Скружа Скрудж в мюзикле «Ночь открытых дверей» – роль на сопротивление: сам Смолин – человек с широким сердцем и широкой душой. Но «Золотая маска» за лучшую роль подтвердила качество лицедейства

Потрясающе достоверный Митя Громцев в «Беспечном гражданине» – первый громкий успех. 30 лет назад...

Редкий случай на одной из встреч с ветеранами: Смолин передал свой баян в чужие руки. Но ведь это был Эдуард Россель, тогда губернатор области